
М. Е. ДОБРУСКИН

О ГЕНЕЗИСЕ ФИЛОСОФСКОГО ПОНЯТИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Во всей мировой литературе и в энциклопедических изданиях прочно укоренилось ошибочное мнение о русском происхождении понятия интеллигенции. Якобы писатель Петр Боборыкин впервые ввел этот термин в русскую литературу в 60 годах 19 века, а затем он был заимствован зарубежными авторами¹. Автор данной статьи, опираясь на философские, исторические и литературные источники, опровергает эту версию.

Наше исследование показало, что понятие интеллигенции получило свою исходную основу в трудах Фихте, Шеллинга и Гегеля и именно от них перешло в русскую и западно-европейскую литературу.

Однако приоритет Боборыкина оказался таким стойким и непоколебимым, что даже немецкие энциклопедии, от которых можно было ожидать более высокого знания своей философии, восприняли ту же легенду.

«ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ» В НЕМЕЦКОЙ ФИЛОСОФИИ

Впервые термин «интеллигенция» употребляется Фихте и от него переходит в другие философские системы. В книге «Наукознание»² он разрабатывает идею самореализации самосознания, как первичное по отношению к бытию. В рамках субъективного идеализма он выступает за свободно мыслящего человека. «Чистое «Я» есть свободная интеллигенция». Она является основой мышления, как и вся умственная деятельность человека.

---

¹ Философская энциклопедия: В 5 т. Т. 2. М., 1970; Большая советская энциклопедия. Изд. 2-е. М., 1962. Т. 2. С. 285. Большая советская энциклопедия. Изд. 3-е. М., 1972. Т. 2. С. 311. Советский энциклопедический словарь. М., 1980; Советская историческая энциклопедия. М., 1965 и др.

² Фихте И. Основы общего наукоучения. М., 1894.

В отличие от Канта, Фихте отверг существование «вещей в себе», которые непознаваемы, и возвел самосознательного субъекта, его «Я» на уровень «единой, истинной и самостоятельной реальности». Такой самостоятельности не имеет природа, ибо она порождается деятельностью сознания – мирового «Я» как абсолютного субъекта.

Термин, как и понятие интеллигенции, получает более широкое развитие в трудах Шеллинга и прежде всего в его главной работе «Система трансцендентального идеализма»³, опубликованной в 1800 году. Здесь, как у Фихте, обосновывается первичность интеллекта как единственной основы всякой реальности. По Шеллингу «интеллигенция – это деятельность субъекта и сам субъект». Полемизируя с Кантом, Шеллинг утверждает, что интеллигенция это не только логический акт, но и духовный процесс, который создает все предметы и все формы сознания. В интеллигенции он видит две взаимосвязанные стороны – созидание и созерцание, ибо «сама интеллигенция не что иное как созидающее созерцание. Созерцание есть интеллектуальная интуиция»⁴.

Никакой реальности, никакого объекта вне интеллекта не существует, ибо материальный мир есть лишь порождение акта чистого самосознания. Интеллигенция является определенным способом действий, путем которого возникает объект. Весь внешний мир воспринимается интеллигенцией как свой организм. Наиболее глубокая основа интеллигенции состоит в ее двойственности как созидания и созерцания. Определенный интерес вызывает формулировка Шеллингом понятия «внутренней и внешней интеллигенции», что связано с деятельностью не только моего «Я», но и других разумных существ, влияющих на меня и обогащающих мои взгляды на внешний мир⁵.

Концепция интеллекта, предложенная Шеллингом, критически анализируется Гегелем. В его трактовке интеллект, интеллигенция рассматриваются как развивающийся дух. Он не приемлет положения о тождестве субъекта и объекта.

---

³ Шеллинг Ф. Система трансцендентального идеализма. М., 1937. С. 15.

⁴ Там же. С. 64.

⁵ Там же. С. 263.

Интеллигенцией он называет «теоретическое мышление как составную часть субъективного духа – теоретический дух. Дух в форме субъективности и есть интеллигенция»⁶.

Гегель фактически сводит субъект к духу, подчеркивая, что «дух не происходит от природы естественным путем». В отличие от Шеллинга, он усматривает различие между сознанием, для которого объект остается внешним, и интеллигенцией, которая постигает «разумную природу объекта и преобразует таким путем одновременно и субъективность в объективную разумность». Таким образом, знание из абстрактного и формального становится конкретным и наполненным истинным содержанием объективных знаний и тем самым познанием истины. На пути к ее достижению интеллигенция из сферы субъективного духа выходит в объективность, в практику, в формы социального бытия, которые суть формы субъективного духа⁷.

Понятие познания, как отмечает Гегель, раскрылось для нас как сама интеллигенция, как достоверность разума. Действительность интеллигенции есть самопознание. Поэтому нелепо говорить об интеллигенции и в то же время признавать, что она может по произволу познавать или не познавать. Но познание является истинным именно постольку, поскольку интеллигенция его осуществляет⁸.

Таким образом, между Фихте, Шеллингом и Гегелем есть существенные различия в истолковании понятия интеллигенции, но в главном они совпадают – в соотношении мышления и бытия. Все они рассматривают «интеллигенцию» как сложный, многоаспектный феномен, охватывающий весь духовный мир человека, его интеллект, волю и деятельность в сфере сознания и самосознания, как орган созерцания и созидания, первичный по отношению к материальному миру.

Во всех рассмотренных концепциях интеллигенция выступает в двух формах, не только как интеллект, но и как его носитель – познающий субъект, для которого познание

---

⁶ Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. 3. М., 1956. С. 56.

⁷ Там же. С. 242.

⁸ Там же. С. 228.

есть средство реализации его интеллектуальных функций. Мыслящий субъект при этом выступает не как представитель какой-то социальной группы или профессии, а как любой человек, познающий мир.

Здесь немецкие философы вплотную подошли к пониманию роли реальной интеллигенции как социальной группы своего времени. Ведь все то, что объявлено всеобщим свойством каждого мыслящего субъекта, в наиболее полной мере воплощается именно в слое интеллигенции, а духовное развитие индивидуума немецкие философы связывали с интеллектуальным развитием всего человечества.

Подымая на высочайший пьедестал могучую силу разума, интеллекта, они тем самым объективно возвышали и тех людей, которые были профессиональными носителями высоких интеллектуальных качеств, хотя еще не видели в них особый социальный слой, к которому они принадлежали.

Мировоззрение великих немецких мыслителей оказывало большое влияние на современную им интеллигенцию, хотя они неоднозначно видели ее общественную роль. Фихте и ранний Шеллинг решительно осуждали прогнивший феодальный строй, присущие ему социальный гнет и нравственное разложение, деградацию культуры. Они призывали интеллигенцию, особенно ученых, к борьбе за раскрепощение духовных сил общества, за свободное развитие творческой мысли. В ряде своих работ, неодобрительно встреченных властями, Фихте призывал к повышению социально-политической активности педагогов и ученых, в которых он видел авангард всего мыслящего человечества. Он стремился повысить их роль в передаче знаний и моральном воспитании людей.

Таким образом, в лоне немецкой философии складывалось несоответствие между идеалистическим термином «интеллигенция» и реальной интеллигенцией того времени, которая уже тогда формировалась как особый общественный слой. Такое понимание в этом вопросе было усвоено многими современниками и вошло в обиход в немецкой и русской литературе. Вместе с тем параллельно усваивалось и новое понимание интеллигенции, предложенное марксизмом.

**«ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ»
В МАРКСИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ**

В отличие от немецкой философии, классики марксизма видели в «интеллигенции» не абстрактную формулу интеллекта, присущего каждому субъекту, а определенный социальный слой или сословие со своими интересами.

Термин «интеллигенция» фигурирует в сочинениях Маркса и Энгельса с начала 40 годов 19 века. Одновременно они используют и другие эквиваленты того же понятия – «работники умственного труда», «лица интеллигентных профессий», «образованные и научные сословия», «идеологические сословия». Все эти термины обозначают основные черты данного слоя: умственный труд, образованность, участие в разработке классовой идеологии, в распространении знаний.

Впервые анализ понятия «интеллигенции» Маркс дает в полемике с «Аугсбургской Газетой», вступая в дискуссию по вопросу о сословном представительстве интеллигенции в ландтаге и о понятии «интеллигентность». Признавая «интеллигентность» как всеобщее свойство существ, наделенных интеллектом, Маркс, однако, решительно возражал против признания его особой категорией, требующей представительства в ландтаге⁹, ибо интеллигентность как интеллектуальное качество присуще различным социальным общностям со своими интересами. Не интеллект и не культурное развитие образуют социальные интересы, а общественное положение определенных социальных групп.

«Земельная собственность, как принцип представительства, – писал Маркс, – сообразуется не с интеллигентностью, а сообразует интеллигентность с собой, будучи похожа на часовщика, который бы хотел не часы поставить по солнцу, а солнце поставить по часам»¹⁰. Маркс возражает против отказа интеллигенции в праве на сословное представительство, как это декларировала «Аугсбургская Газета». Там, где господствует сословный принцип, должны быть представлены все сословия, в частности, и священни-

---

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 40. С. 286.

¹⁰ Там же. С. 289.

ки, адвокаты, ученые, независимо от того, занимают ли они официальные должности. Здесь явственно выступает понимание интеллигенции как определенного социального слоя, имеющего свои профессиональные интересы.

Маркс возражает против причисления к этим сословиям государственных чиновников, поскольку они представляют не сословные, а государственные интересы и поэтому противостоят представителям сословных интересов. Здесь Маркс вплотную подходит к обоснованию классового характера интеллигенции как ее главной и определяющей особенности. Новое понимание интеллигенции, отличающее марксизм от других политических учений, стало возможным в ходе анализа революционных событий в Германии и Франции и политической позиции интеллигенции. Фиксируя внимание на социальной неоднородности этого слоя, марксизм определяет свое отношение к ней дифференцированно, деля ее на феодальную, буржуазную, мелкобуржуазную, пролетарскую.

С едким сарказмом Маркс критикует ту часть ученых, которых он называет сикофантами буржуазии, продающих не только свои знания, но и совесть денежному мешку¹¹. Суровую оценку получила и мелкобуржуазная интеллигенция с ее фразерством, неустойчивостью и беспартийщиной. И в то же время Маркс и Энгельс с большой симпатией отзывались о той интеллигенции, которая стала на позиции революционного пролетариата и отдает все свои силы и знания делу переустройства общества. Это были «теоретики класса пролетариев», «социалистические писатели», «пролетарии класса ученых», игравшие большую роль в классовой борьбе пролетариата против буржуазии¹².

Марксистское понимание интеллигенции способствовало вытеснению из научного оборота гегелевской гносеологической формулы, определяющей интеллигенцию. Этому в еще большей степени способствовало значительное возрастание численности интеллигенции во многих странах и

---

¹¹ Архив Маркса и Энгельса. Т. 3. С. 253–254.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 247. Т. 26. Ч. I. С. 347.

повышение ее роли в общественной жизни. При всех различиях в понимании роли и места интеллигенции разными политическими течениями все они учитывали такие общие черты данного слоя, как образованность и умственный труд, отчасти и высокие нравственные качества, получившие признание в ряде энциклопедий.

Марксистское понятие интеллигенции постепенно пробивало себе дорогу в общественном мнении, в литературе европейских стран, но ведущим и широко признанным оно стало лишь после Октябрьской революции, когда оно прочно вошло в научный оборот, вытесняя различные буржуазные и мелкобуржуазные взгляды. Однако гегелевско-шеллинговое понимание интеллигенции оказалось весьма живучим и сохранялось еще многие годы и не только в Германии, но и в России, в ряде других стран, где был высок авторитет классической немецкой философии.

В частности, это понятие нашло свое отражение во многих художественных и публицистических сочинениях, например, в «Войне и мире» Льва Толстого, в рассказах Ивана Тургенева, в книге историка Николая Костомарова «Автобиография», в труде В. Гизо «История цивилизации в Европе» и во многих произведениях Петра Боборькина.

Нигде в энциклопедических изданиях конца 19 и в 20 веке гегелевская формулировка интеллигенции уже не фигурирует. Но есть и одно исключение. В философском энциклопедическом словаре, изданном в Москве в 1999 году, возрождается близкое гегелевскому понятие интеллигенции. Здесь сказано, что «интеллигенция – это свойственная человеку духовная, разумная способность, в узком смысле способность находить решения в необычных обстоятельствах и вообще гибкость ума». В конце статьи, отдавая дань современному пониманию, все же отмечается, что «интеллигенцией можно назвать и прослойку людей, лишенных предрассудков»¹³. И трудно понять, что такие определения появились в России, где давно уже прочно укоренились противоположные взгляды.

---

¹³ Философский энциклопедический словарь. М., 1999. С. 78.

«ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ» В СОЧИНЕНИЯХ БОБОРЫКИНА

Таким образом, документальные материалы развенчивают приоритет Боборыкина и его особую роль в введении в русскую и западноевропейскую литературу как термина, так и понятия интеллигенции в ее современном понимании. Эту версию поддерживал и сам писатель, хотя хорошо знал действительные источники своего понимания.

В статье, опубликованной в 1904 году, он писал: «В 1866 году в одном из своих критических этюдов я пустил в обращение в русский литературный язык... слово интеллигенция, придав ему то значение, какое оно... приобрело только у немцев: интеллигенция, т. е. самый образованный, культурный и передовой слой общества. Тогда же я присоединил к нему одно прилагательное и одно существительное – интеллигент и интеллигентный»¹⁴.

Как видим, автор умалчивает о гегелевском понимании интеллигенции и своем приятии его и приписывает себе то более позднее и зрелое понятие, авторство которого ему отнюдь не принадлежало. Он заимствовал его из русской демократической и марксистской литературы. Так же и термины «интеллигент» и «интеллигентный» задолго до выступлений Боборыкина и даже до введения понятия интеллигенции употреблялись в литературе, о чем не мог не знать писатель. По свидетельству Николая Михайловского, Боборыкин обладал высокой эрудицией, внимательно изучал политические и философские учения своего времени и, несомненно, был знаком с марксизмом, возникшем в Германии, с которой многие годы была связана деятельность Боборыкина.

Однако взгляды Боборыкина, даже в их поздней стадии, отличаются от марксистских в главном – в классовой функции интеллигенции. Он относит к интеллигенции всех образованных людей, в том числе аристократов и капиталистов. Он не видит в интеллигенции особый социальный слой. А в своих художественных произведениях он использует даже гегелевские положения, ибо от них он

---

¹⁴ Боборыкин П. Русская интеллигенция. Русская мысль. М., 1994. № 12.

и не отрекался. Это ярко показано даже в его главных произведениях: «Китай-город», «Солидные добродетели» и в других¹⁵.

Все изложенное свидетельствует о том, что Боборыкин как «философ» и «историк» общественной мысли, несмотря на поддержку своих многочисленных сторонников, явно не состоялся. Его действительные заслуги следует видеть в его плодотворной литературной деятельности, где он получил признание, как талантливый писатель, стоящий на позициях критического реализма. Его творчество высоко оценивал такой высочайший авторитет, как Лев Толстой.

В романах Боборыкина нет преуспевающих интеллигентов, имеющих необходимые условия для своей жизнедеятельности. Он сосредоточил свое внимание на типичных для своего времени персонажах, невостребованных обществом, неудачниках из интеллигенции. А таких было немало. Таким, например, предстает литератор Покрышкин (повесть «Долго ли»), более десяти лет публикующий свои сочинения, но страдающий от материальной необеспеченности, отсутствия достаточного заработка от своих литературных гонораров. Унижая свое достоинство, он вынужден отдавать свой художественный талант с отказом от авторства в пользу крупного чиновника Крафта, мечтающего стать писателем, хотя бы путем принижения действительного писателя. Такую же незавидную роль вынужден играть и студент Заплатин, готовящий статью для книги фабриканта Путева с его мнимым авторством (книга «Однокурсники»)¹⁶.

В сочинениях Боборыкина хорошо показано отношение «высшего света» к преуспевающим работникам культуры и искусства. Писатели, художники, музыканты охотно выступают в салонах светских дам из аристократии, пользующихся их покровительством и материальной поддержкой. Но между ними сохраняется классовая грань, и они не пользуются уважением, как люди «низкого звания». И здесь принижалось достоинство личности интеллигента.

---

¹⁵ Боборыкин П. Соч. Китай-город.

¹⁶ Там же. Т. III. Однокурсники.

Обнажая противоречия между «высшими классами» и рядовыми тружениками умственного труда в романе «Солидные добродетели»¹⁷, автор рисует образы молодых интеллигентов, всецело погруженных в поиски материального благополучия и видящих в этом единственную цель своей жизни и далеких от благородных идей политической свободы и равенства прав людей. Но симпатии автора на стороне противоположных им типов интеллигенции, готовых пренебречь житейскими благами, людей, «сгорающих от жара внутренней работы» и всецело отдающихся своим идейным побуждениям, как ученый Крутицын, студент Заплатин. Он озабочен общественными интересами и потребностями, выработкой того, чем красится, возвышается жизнь. И за это он был отчислен из университета, для которого были не приемлемы подобные студенты.

Выведенные писателем образы интеллигентов были типичны для того времени. К ним обращались и такие выдающиеся писатели, как Горький, Салтыков-Щедрин, Чехов, которым удалось более глубоко раскрыть деятельность, идеалы и настроения русской интеллигенции второй половины 19 века. Но то, что сотворил Петр Боборыкин в русской литературе, остается неоценимым вкладом в ее историю, ибо он одним из первых русских писателей привлек внимание общества к судьбам интеллигенции, подверг критике и осуждению негативное отношение к ней правящих кругов, их элиты, призвал к возвышению ее роли и места в обществе для блага народа.

Рассмотренная нами эволюция взглядов на интеллигенцию имеет большое теоретическое значение, ибо речь идет об одном из замечательных слоев русского общества, вписавшем яркие страницы в ее историю, и который и сегодня играет крупную роль в нашей стране и во всем мире.

---

¹⁷ Боборыкин П. Солидные добродетели. СПб., 1987.